

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ
ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

XI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН
(краткие сообщения)

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1976

дренного текста в некую имитацию псевдофонологической (А. Фалькенштейн) или псевдофонетической транскрипции (В. фон Зоден, К. Деллер и др.). Во всех отношениях практичнее, поэтому, писать $du\dot{g}_d$, $pa\dot{d}$ вместо du_{11} , pa и, соответственно, в родительном падеже $du\dot{g}_d$ -га = / $du\dot{g}$ -a/, $pa\dot{d}$ -да = / $pa\dot{d}$ -a/ вместо du_{11} -га, pa -да, псевдофонетических написаний для / $du\dot{g}$ a/, / $pa\dot{d}$ a/, но с необъяснимыми знаками -га, -да. Еще точнее было бы писать ka , $ka\dot{B}^a$, $pa\dot{d}$, $pa\dot{d}^{da}$.

Г. А. Климов

О месте эргативного строя
в континентно-типологической классификации языков

Континентно-типологические исследования, основанные на изучении способов передачи в различных языках субъектно-объектных отношений, приводят к выделению нескольких языковых типов, из которых в настоящее время более отчетливо по сравнению с остальными вырисовываются три типа - номинативный строй (далее - НС), эргативный (далее - ЭС) и активный (далее - АС). Предшествовавшие исследования доказали, что ЭС типологически отличен от НС и, что, в частности, эргативная конструкция предложения не может быть отождествлена со страдательным оборотом номинативных языков. Однако, взаимоотношения ЭС и АС и сейчас представляются далеко не столь ясными (как известно, еще в совсем недавнем прошлом они вообще взаимно не обособились).

Сопоставление импликаций, т.е. взаимно необходимых структурных признаков, НС с такими ЭС и АС показывает, что по степени их ориентации на передачу субъектно-объектных отношений все три типологические системы должны быть встроены в одну последовательность, промежуточную позицию в которой занимает ЭС.

Действительно, если строение элементы НС передают субъектно-объектные отношения сравнительно однозначно (ср., например, функции номинатива, аккумулятива, датива, или роль личных показателей и оппозиции действительного и страдательного залогов в глаголе и т.п.), то компоненты ЭС выражают их уже менее одно-

значим образом: ср. явное "диффузное" в этом плане содержание абсолютного падежа или личных глагольных аффиксов абсолютного ряда, указывающих как на объект, так и на субъект действия. Имеется ввиду тот факт, что абсолютный падеж оформляет как имя субъекта при непереходном глаголе, так и имя объекта при переходном. В то же время элементы АС вообще ориентированы на выражение не субъектно-объектных отношений, а отношений, существующих между активным и пассивным участниками ситуации, и передают перине лишь опосредствованно.

Возникает вопрос, насколько существенны структурные расхождения между ЭС и АС для того, чтобы позволить их рассматривать в качестве типологически различных систем, а не разновидностей единой эргативной. Ответ на него должно дать систематическое сопоставление структурных признаков обоих. Особенно показательным при этом представляется такое сопоставление на фоне признаков НС.

Основные принципы организации именной лексики в АС обнаруживают некоторое внешнее сходство с таковыми в эргативных и номинативных языках: в отличие от представителей классного строя (как он представлен, например, в языках банту) имена существительные здесь уже не распределяются по явным, т.е. имеющим свои специальные марки, классам, определяющим языковой тип в целом. Тем не менее, они образуют здесь два неявных или так наз. "скрытых" класса активных и пассивных, напоминающих стабильное распределение имен на одушевленный и неодушевленный классы в классных языках. В последнем отношении ЭС скорее сближается с НС. Имеется и другая серьезная особенность АС, состоящая в несформированности в нем имен прилагательных и некоторых разрядов местоимений (притяжательных, возвратных), обычно имеющих в эргативных и номинативных языках. Соответственно, функции атрибутива в предложении здесь выполняют либо основа стативного глагола (типа 'быть белым', 'быть высоким' и т.п.), либо основа субстантива ('камень' в значении 'каменный', 'лед' в значении 'холодный' и т.д.).

Однако, особенно глубоко различны в структурах ЭС и АС основные принципы организации глагольной лексики. Между тем, именно от них зависят фундаментальные черты синтаксиса и морфологии эргативных и активных языков.

В ЭС глаголы лексикализованы на переходные и непереходные. Это означает, что, как и в НС, глаголы имеют здесь довольно отчетливую либо субъективную, либо объективную интенцию, чего нет в рамках АС. Впоследствии, напротив, признак переходности : непереходности вообще не играет никакой роли. Глаголы здесь лексикализованы на активные (т.е. глаголы действия)^ж, с одной стороны, и стативные (т.е. глаголы состояния), с другой. Среди активных оказываются также лексемы, как 'ломать', 'резать', 'пить', 'белать', 'идти', 'висеть', 'капать' и другие, среди стативных - 'ломать', 'висеть', 'быть белым', 'быть высоким' и т.д. При этом налицо обычное совпадение в одной глагольной лексеме таких значений, как 'идти' ~ 'вести', 'ползти' ~ 'тащить' ~ 'умирать' ~ 'убивать', 'проспать' ~ 'будить', 'гореть' ~ 'жечь' и т.п. Как известно, в представителях ЭС и НС эти значения, как правило, лексемно обособлены.

Следует подчеркнуть, что вообще по оппозиции переходности : непереходности как профилирующей черты языковой структуры, ЭС и НС объединяются, резко обособляясь от АС. Различие обих в этом плане сводится, по-видимому, только к тому, что для глагола эргативных языков переходность : непереходность это обычно "явная" категория (т.е. категория, находящая выражение в самой глагольной лексеме), в то время, как для глагола номинативных языков она образует неявную, "скрытую" категорию, которая получает свое выражение за рамками словоформы глагола в составе предложения. Отсюда вытекает и ряд других важнейших структурных общностей, разделяемых ЭС и НС на синтаксическом и морфологическом уровнях.

В структуре ЭС переходные и непереходные глаголы автоматически задают эргативную и абсолютную конструкции предложения с различной морфологической характеристикой их глагольного и именных компонентов. В АС различие активной и инактивной конструкций предложения с резко расходящейся морфологической структурой их глагольного компонента обуславливается уже не переход-

^ж) В древневосточной филологии за этими глаголами все более закрепляется название фентивных, что позволяет избежать смешения с длатевой актив : *nasozh*. - Ред./.

ным : **непереходным глаголом, а активным или стативным.** Следует отметить еще один класс глагольных лексем, структурно мотивированных лишь в системе АС – глаголы непроизвольного действия и состояния, к которым относятся обозначения всех действий и состояний, не включаемые в класс активных или стативных глаголов и задающие особую конструкцию предложения: в нее входят *verba sentiendi* ‘видеть’, ‘слышать’, ‘знать’, ‘хотеть’ и т.п., *verba affectuum* ‘смеяться’, ‘плакать’, ‘думать’ и т.п., а также лексемы, как ‘спать’, ‘бодрствовать’, ‘рваться’, ‘подходить’, ‘идти (к чему-либо)’ и другие. Ее пережиток, известный под термином “аффективная конструкция предложения”, встречается в некоторых представителях ЭС лишь на правах остаточного явления.

Дифференцированность в инвентаре членов предложения эргативных и номинативных языков прямого и косвенного дополнений, в АС замещается различением ближайшего и дальнейшего дополнений. Чтобы представить себе функциональную специфику последних, достаточно отметить, что ближайшее дополнение – это имя объекта направленности действия, передаваемого активным глаголом: ‘я ломаю дерево’, ‘я иду по дороге’, ‘я бегу к реке’ (интересно, что в некоторых, по всей вероятности, ранненоминативных языках сохраняется специфическая морфологическая проекция этого члена предложения в виде широкого объектного падежа типа латин. -а, груз. -а, кечуа -та, аймара -ти и т.д.).

Имеется и множество других структурных отличий ЭС от АС. Если в ЭС переходный глагол лишен какой-либо диатезы, то в АС обязательно противопоставление центробежной и нецентробежной версий активного глагола (ор. возможность залоговой диатезы в переходном глаголе номинативного языка). В АС отсутствует сквозная парадигма глагольного словоизменения, место морфологической категории времени в глаголе занимает разветвленная категория способа действия, позиции притяжательных местоимений и генитива замещает именная притяжательная флексия, дифференцирующая формы органической и неорганической принадлежности, место одной лексемы ‘мы’ занимают инклюзивная и эксклюзивная. Во всех последних отношениях скорее объединяемы эргативные и номинативные языки, в которых перечисленные черты не мотивированы и встречаются только на правах непродуктивных остаточных явлений.

Ввиду сказанного выше складывается впечатление, что настало время на смену общему резкому обособлению ЭС от НС поднять тезис о сравнительной близости разделяющего их типологического расстояния и о более обособленном положении АС.

Несмотря на серьезные трудности адекватной типологической интерпретации структуры древневосточных языков, существует возможность усмотреть во многих из них признаки как ЭС, так и АС. В частности, хуррито-урартские и шумерский языки, будучи в своей основе эргативными, обнаруживают некоторые черты АС (ср. синтаксические и морфологические особенности в них части глаголов движения, говорения). Напротив, староламский язык скорее приближался к АС, поскольку в нем засвидетельствовано по крайней мере большинство структурных импликаций последнего. Наименее ясным представляется до последнего времени типологический облик хаттского языка. Что же касается древнеегипетского языка, то в его существенно номинативизованной структуре еще отчетливо различны некоторые черты АС.

И.М.Дунаевская

Новые перспективы исследования хаттского языка

В последнее время стало создаваться и циркулировать мнение, что дальнейшее изучение хаттского языка становится бесперспективным, потому что материал ограничен не только количественно, но и качественно, а возможность улучшения этого положения проблематична.

Первичная характеристика дошедших до нас хаттских текстов имеет два аспекта: 1) степень сохранности, и 2) качество письменной фиксации. Нет клинописных памятников, которые в обоих этих отношениях были бы хуже хаттских. Большая часть текстов — фрагменты в точном смысле слова, т.е. куски высушенной глины, представляющие собой обломки середины или одного из краев табличек с сохранившимися частями строк; целых или мало поврежденных текстов очень мало. Что же касается плохого качества фиксации текстов, то оно связано с их искажением еще в древности при первичной за-